

Две страны, или Раскол

Почему одни регионы России тонут в долгах, а другие — процветают

Рисунок: Петр Саруханов / «Новая газета»

07:13, 23 декабря 2025,

Дмитрий Прокофьев

редактор отдела экономики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Две правды об одной стране

Чтобы объективно оценить ситуацию в регионах РФ, необходимо совместить два разных, но взаимосвязанных взгляда.

Первый взгляд — формально-финансовый, через призму цифр Министерства финансов. Он показывает, сколько денег регионы официально собрали в виде налогов и сколько потратили на все свои нужды — от зарплат учителям до строительства дорог. Это сухая, но точная арифметика государственного бюджета отражена в Оперативном докладе Счетной палаты об исполнении бюджетов субъектов РФ [за девять месяцев 2025 года](#).

Второй взгляд — это экономическая жизнь, которую фиксирует ЦБ РФ [в обзоре «Региональная экономика. Декабрь-2025»](#) через опросы тысяч предприятий, статистику производства, данные о кредитах и ценах. Здесь уже не только цифры, но и настроения, проблемы, надежды конкретных заводов, магазинов, строительных компаний.

Официальные сводки Росстата могут демонстрировать стабильность или даже осторожный оптимизм — например, небольшой промышленный рост или замедление инфляции. Но если сопоставить их с бюджетными отчетами и экономическим анализом, становится ясно: в стране происходит не просто замедление темпов роста, а **глубокая трансформация экономики, вследствие которой** благосостояние разных отраслей и регионов России двигаются в противоположных направлениях.

Средняя температура проблемы

Бюджетная система первой отреагировала на этот процесс,

причем очень чутко. После нескольких лет относительной стабильности, когда регионы в целом жили по средствам, общий сводный бюджет всех субъектов РФ в 2025 году вновь стал дефицитным. Это значит, что в среднем по стране регионы потратили больше, чем получили. Однако средняя температура — плохой диагност. Где-то бушует жар, а где-то уже почти холод.

По итогам первых девяти месяцев 2025 года консолидированные бюджеты всех субъектов Российской Федерации (то есть сумма всех региональных и местных бюджетов) были исполнены с дефицитом. Цифра этого дефицита — **118 млрд рублей**. На фоне триллионных оборотов может показаться, что это не так много. Но важен не только размер, а сам факт и структура данного явления.

Почему эта цифра — тревожный сигнал? Потому что она ломает устойчивую тенденцию последних лет. В аналогичные периоды 2021, 2022, 2023 и даже 2024 года сводный бюджет регионов в целом был профицитным или как минимум сбалансированным. Регионы адаптировались к ситуации и находили ресурсы. Дефицит 2025 года показывает, что адаптационный ресурс для многих исчерпан, а внутренние проблемы экономики начали сказываться на бюджетных доходах. Тем более что, как часто бывает в РФ, «общероссийская» цифра скрывает за собой радикально разную реальность на местах.

Формально из 85 регионов России профицит по итогам девяти месяцев зафиксирован в 38. Но из чего складывается этот «профицит»? **Подавляющая доля этого «казенного благополучия» сконцентрирована в нескольких субъектах.** Абсолютным лидером является Москва, чей профицит составил колоссальные **262,2 млрд рублей**. Далее с большим отрывом следуют Санкт-Петербург (**49,4 млрд руб.**) и Республика Татарстан (**44,4 млрд руб.**). Если сложить профициты только этих трех регионов, получится **355,8 млрд рублей**.

А теперь внимание: совокупный профицит всех 38 «успешных» регионов составляет **527,8 млрд рублей**. Путем простого деления (355,8 на 527,8) мы получаем цифру **67,3%**. Это значит, что **более двух третей всего положительного сальдо региональных бюджетов страны обеспечено всего тремя территориями**. Получается парадоксальная картина: формально профицитных регионов много, но бюджет, дающий значительный избыток средств, есть менее чем у **3,5%** субъектов Федерации. Остальные 35 профицитных регионов имеют очень скромные, почти символические излишки, которые часто находятся в пределах статистической погрешности.

Противоположный полюс — это 52 региона с совокупным дефицитом в **645,8 млрд рублей**. Для 25 из них жизнь не по средствам стала уже привычной — это второй год подряд с дефицитом. Для пяти регионов так продолжается уже третий год.

Но и здесь есть своя градация. Самые тяжелые случаи — это когда масштаб дефицита становится критическим по отношению к собственным доходам региона. Речь идет о субъектах, где власти вынуждены тратить на **20% и более** сверх того, что они зарабатывают сами (без учета дотаций из центра).

Список регионов, где дефицит превысил 20% от собственных доходов, красноречив.

СПРАВКА

Регионы, где дефицит превысил 20% от собственных доходов

- **Кемеровская область (Кузбасс): –25,5%.** Сердце угольной и металлургической промышленности. Чтобы свести концы с концами, области нужно на четверть больше денег, чем генерирует ее собственная экономика.
- **Вологодская область: –24,6%.** Крупный центр черной металлургии и химии.
- **Архангельская область: –21,6%.** Порты, лес, судостроение.
- **Мурманская область: –20,3%.** База Северного флота, порт, рыболовство, горнорудная промышленность.
- **Тюменская область (без автономных округов): –20,2%.**

Обратите особое внимание: это **не бедные** полуаграрные республики с традиционно слабой экономикой. Это **бывшие индустриальные флагманы, «доноры»**, которые десятилетиями «кормили» страну углем, металлом, лесом и составляли основу промышленного потенциала. Тот факт, что именно они оказались в бюджетной яме, однозначно говорит: проблема не в плохом управлении, а о системных проблемах **самых основ их экономики**. Болеет не финансовая система, а производственное тело регионов.

Откуда берутся деньги?

Все вместе регионы собрали за девять месяцев доходов на сумму **18 трлн 244 млрд рублей**. В сравнении с аналогичным периодом прошлого года рост составил 7,7%. Но, как и в случае с дефицитом, эта «средняя температура» складывается из трех совершенно разных, даже противоречивых тенденций.

1. Налог на доходы физических лиц (НДФЛ). Этот налог показал самый высокий рост — на **3,9%**. Он стал главным стабилизатором, который не дал доходам регионов просесть еще сильнее. Почти во всех регионах поступления по НДФЛ выросли.

Однако за этим оптимизмом скрываются две серьезные проблемы:

- **Гиперконцентрация в Москве.** Почти **четверть (23,8%)** всего прироста этого налога по стране обеспечил один город — Москва. Это **176,1 млрд рублей** из общего прироста в 740 млрд. Данный факт — доказательство централизации высокооплачиваемых рабочих мест, штаб-квартир крупнейших компаний и финансовых потоков. Зарплаты, с которых платятся крупные налоги, сконцентрированы в столице, как нигде больше.
- **Иссякающий источник.** Данные ЦБ РФ показывают тревожный макроэкономический тренд: **рост реальных доходов населения замедляется**. Если в 2024 году они выросли на 8,4%, то к III кварталу 2025 года рост упал до 6,3%. Параллельно фиксируется снижение потребительской активности: люди стали осторожнее, больше откладывают, меньше товаров покупают, особенно дорогих. Это значит, что потенциал для дальнейшего быстрого роста зарплат, а следовательно, и НДФЛ, почти исчерпан. В будущем этот налог будет расти в основном за счет инфляции и точечных решений по повышению окладов бюджетникам, а не за счет здорового роста экономики и доходов.

2. Налог на прибыль организаций. Это главный налог, который платят компании со своей прибыли. И здесь поступления **падают второй год подряд**. За девять месяцев 2025 года снижение составило **2,5%**, а общий объем сборов (**3 трлн 986 млрд рублей**) откатился к уровню 2022 года.

Это отражение ситуации в конкретных отраслях и как следствие — в конкретных регионах.

В 50 субъектах из 85 поступления упали, а в 15 — сократились более чем на 20%.

Почему прибыль компаний падает? ЦБ РФ в своем докладе это объясняет.

СПРАВКА

Почему прибыль компаний падает

Черная металлургия. Внутри страны падает спрос на металл. А главный потребитель металла — машиностроение — стагнирует.

Цветная металлургия. В Сибири предприятия, хоть и нарастили экспорт, уже три года не могут распродать гигантские запасы, накопленные из-за санкционных ограничений.

Автомобилестроение. Заводы в Поволжье, основном автокластере, продолжают снижать выпуск, распродавая «залежавшиеся» на складах машины.

Производство стройматериалов и мебели. На юге сокращение ускорилось из-за охлаждения рынка жилья.

Вывод очевиден: список регионов с самым сильным падением

налога на прибыль (Кемеровская, Вологодская, Мурманская, Челябинская, Свердловская области, Республика Коми) — это и есть список регионов, чья экономика завязана на металлургию, химию, тяжелую промышленность и автопром.

Бюджетный кризис регионов — следствие кризиса их градообразующих предприятий.

3. Нефтяные и газовые деньги: парадокс «богатых нищих» регионов. Здесь мы сталкиваемся с одним из ключевых противоречий российской бюджетной системы. Из всех налогов, собранных на территории страны, большая часть сразу уходит в федеральный центр. Соотношение выглядит так: из **32 трлн 846 млрд рублей** общих налоговых доходов:

- **в федеральный бюджет ушло 57,8% — 18 трлн 977 млрд рублей;**
- **в региональных бюджетах осталось 42,2% — 13 трлн 868 млрд рублей.**

В нефтегазовых регионах эта диспропорция еще заметнее:

- **Ямало-Ненецкий автономный округ.** В федеральный центр уходит **88,2%** всех налогов, собранных на территории. Округу остается лишь **11,8%.**
- **Ханты-Мансийский автономный округ — Югра.** **87,8%** — в центр.
- **Оренбургская область.** **83,4%** — в центр.

Возникает ситуация, когда территории, добывающие ресурсы, критически важные для бюджета и валютной выручки, сами

оказываются финансово несостоятельными.

Их собственной доли доходов, оставшейся после изъятия в федеральный бюджет, не хватает для покрытия огромных расходных обязательств, особенно в социальной сфере (северные надбавки, сложная инфраструктура).

Фото: Александр Манзюк / Коммерсантъ

Куда уходят деньги?

Регионы за девять месяцев 2025 года потратили **18 трлн 362 млрд рублей**. Это 64,2% от того, что они планировали потратить за весь год. Сам по себе объем не так важен, как **темп роста расходов**. А он составил **15,4%** по сравнению с прошлым годом. Теперь вспомним, что доходы выросли только на 7,7%. Разница в темпах — почти в два раза.

Именно эти «ножницы» — быстро растущие

расходы и медленно растущие доходы — и режут бюджеты, создавая тот самый дефицит.

Более половины всех трат регионов (53,9%) приходится на так называемый социальный блок: это социальная политика (пособия, помощь), образование, здравоохранение, культура. И именно эти статьи росли быстрее всего.

- **Социальная политика:** рост 21,4%, до 3 трлн 859 млрд рублей. Причины: индексация всех социальных выплат в связи с инфляцией, выполнение нацпроекта «Демография», увеличение числа получателей пособий.
- **Образование:** рост 12,8%, до 4 трлн 433 млрд рублей. Здесь главные драйверы — исполнение «майских указов» о повышении зарплат учителям и другим педагогическим работникам, а также масштабная программа капитального ремонта школ.
- **Национальная экономика:** рост 19,1%, до 3 трлн 866 млрд рублей. В эту статью входят расходы на поддержку бизнеса, сельского хозяйства, но главное — на дорожное хозяйство и коммунальную инфраструктуру.

Важно понимать: регионы не могут отказаться от большей части этих растущих трат. Это не их добрая воля.

Размер минимальной зарплаты, порядок индексации пенсий и пособий, тарифы на жилищно-коммунальные услуги для населения — все это регулируется федеральными законами, указами и нормативами. Региональные власти выступают в роли технических исполнителей. Им спускают директиву: «Повысить учителям зарплату до среднего уровня по экономике

региона». Или: «Проиндексировать все социальные выплаты на уровень не ниже инфляции». Но при этом **не всегда предоставляют достаточные деньги** из федерального бюджета для выполнения этих поручений. Центр говорит «сделай!», но делать регионам приходится «на свои».

Когда денег не хватает на обязательные, горящие расходы (зарплаты, пособия), власти начинают сокращать расходы на то, что можно отложить. А отложить проще всего инвестиции — вложения в будущее. Доля так называемых **капитальных расходов** (это деньги на стройку новых школ, больниц, дорог, реконструкцию сетей) в общих расходах регионов упала до **8%**. Для сравнения: в 2023 году она составляла 11%. Если исключить из расчета Москву, которая сильно искажает картину, то по всей стране капитальные расходы **сократились более существенно**. В 59 регионах из 85 инвестиции в собственную инфраструктуру и развитие были урезаны.

Это значит, что для того, чтобы заплатить учителям и врачам сегодня, власти закрывают стройку новой поликлиники или ремонт дороги, запланированные на завтра. Сегодняшние социальные обязательства выполняются за счет отказа от развития, что в среднесрочной перспективе ведет к деградации инфраструктуры, ухудшению условий для бизнеса и как следствие — к дальнейшему сокращению налоговой базы.

Общий объем госдолга всех субъектов России на 1 октября 2025 года составил **3 трлн 168 млрд рублей**. За девять месяцев он вырос незначительно — на **0,7%**, или **20,5 млрд рублей**. Стабильный общий объем долга может создать иллюзию, что все под контролем. Но дьявол, как всегда, в деталях — в изменении **структуры** этого долга.

Фото: Алексей Белкин /NEWS.ru / ТАСС

У регионов есть несколько способов занять денег. Самый выгодный — **бюджетные кредиты** от федерального казначейства. Это как льготная ссуда от государства. Их доля сейчас составляет **79,3%**. Но параллельно растет доля самого дорогого инструмента — **кредитов от коммерческих банков**. Их доля увеличилась с **7,2%** до **8%**.

Рост на 0,8 процентных пункта кажется мизерным. Но он сконцентрирован в самых проблемных, «горячих» точках. Это не случайность, а закономерность:

- **Кемеровская область** увеличила объем коммерческих банковских кредитов в своем долге в **3,2 раза**;
- **Иркутская область** — в **3 раза**;
- **Томская область** — в **5 раз**.

В абсолютном выражении самая большая коммерческая задолженность у:

- **Архангельской области — 58,2 млрд рублей;**
- **Мурманской области — 40,3 млрд рублей;**
- **Кемеровской области — 32,5 млрд рублей.**

Корреляция налицо: регионы, которые сильнее всего пострадали от падения доходов, не получая достаточной поддержки из центра, чтобы закрыть кассовые дыры, вынуждены брать дорогие кредиты. Банки, видя шаткое положение этих регионов, дают им деньги под высокий процент. Так возникает **круг долговой спирали**.

1. **Кризис в реальном секторе:** заводы несут убытки, падает налог на прибыль.
 2. **Бюджетный дефицит:** денег не хватает даже на обязательные текущие расходы.
 3. **Поиск срочных денег:** чтобы избежать остановки выплат, власти берут срочный кредит в коммерческом банке.
 4. **Увеличение долговой нагрузки:** в следующем году бюджет должен будет выплатить не только сам кредит, но и проценты по нему. Свободных денег становится еще меньше.
 5. **Новый виток:** чтобы покрыть новые дыры, включая платежи по старым долгам, власти берут **новый** кредит, часто на еще худших условиях.
- Все большая часть бюджета уходит не на развитие или даже на текущие нужды, а на обслуживание старых долгов.

Фото: Сергей Елагин / Бизнес Online / ТАСС

«Острова роста» и «материк спада»

Данные ежемесячного мониторинга Банка России за ноябрь 2025 года — это ключ к пониманию, **почему** в бюджетах возникли такие проблемы. Эти цифры показывают, что экономика страны разделяется на две части, которые живут по разным законам и имеют разные перспективы.

Общий индекс промпроизводства за три месяца (август — октябрь) показал рост на **1,3%** в годовом сравнении. Но если разобрать эту цифру по отраслям, мы увидим радикально разные картины.

«Острова роста»

Добыча нефти, газа и угля на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Важное уточнение по углю, о котором часто говорят: да, добыча в Кузбассе и на Дальнем Востоке выросла после летнего

спада. Экспортные поставки увеличились. НО! Крупные компании открыто заявляют, что текущего роста цен недостаточно для восстановления рентабельности. Многие вынуждены работать в убыток, лишь бы не потерять рынки сбыта и покупателей. Выручка одной из крупнейших угольных компаний за III квартал сократилась на треть в годовом выражении, сообщает ЦБ РФ (в своем отчете регулятор не указывает названий конкретных компаний). Рост физических объемов лишь частично компенсировал обвал мировых цен.

Обрабатывающие производства.

- **Выпуск «электроники»** в Центральной России. Рост связан с госзаказом.
- **Судостроение** на Северо-Западе. Рост обеспечен госзаказом.
- **Легкая промышленность** на юге. Рост обеспечен госзаказом на спецодежду и увеличением онлайн-продаж.

ВЫВОД

Таким образом, рост «островов» часто инициирован или гарантирован правительством (через контракты, инфраструктурные проекты, целевые программы) либо является тактической реакцией на кризис (как в случае с углем).

«Материк спада»

(кто в глубоком и, похоже, затяжном кризисе):

Черная металлургия. Спад замедлился, но внутренний спрос продолжает сокращаться. На Урале слабый рост

промышленности объясняется именно падением в металлургии.

Автомобилестроение в Поволжье. Производство продолжает снижаться. Заводы перешли на сокращенную рабочую неделю, ожидая, пока распродадут гигантские запасы готовых машин.

Металлургия, химическая промышленность, деревообработка. В этих отраслях отмечается снижение выпуска, в особенности в Сибирском федеральном округе.

Производство товаров для дома и ремонта (строительные смеси, мебель, окна). На юге сокращение ускорилось из-за заморозки рынка новостроек и роста стоимости сырья.

Рост в одних, «привилегированных» секторах не спасает и не компенсирует падения в других, которые на протяжении десятилетий были становым хребтом российской индустрии, «бюджетной основой» целых регионов-доноров.

Ремонт школ в Воронеже. Фото: Константин Франовский / Коммерсантъ

Деньги в завтра?

Динамика инвестиций — это лучший индикатор веры в будущее. Если бизнес вкладывает деньги в новые заводы и оборудование — значит, он верит, что через несколько лет здесь можно будет заработать. Общероссийская картина здесь такова: за девять месяцев 2025 года инвестиции выросли всего на **0,5%**.

Институт народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН в своем [«Квартальном прогнозе ВВП. Выпуск 68»](#) не просто констатирует замедление инвестиций —

он описывает почти полную остановку инвестиционного процесса в гражданском секторе экономики. Это системный сбой, а не циклический спад.

Рост инвестиций в основной капитал сокращается с **6% в 2024 году до 0,6% в 2025-м и 0,4% в 2026-м**. Это не замедление роста, а **его прекращение**. Еще в 2021–2023-м инвестиции росли на 6–9% в год. Авторы прогноза объясняют причины сокращения инвестиций «сужением источников финансирования и неопределенностью относительно дальнейшего роста конечного спроса».

Инвестиции падают быстрее, чем снижается ВВП (прогноз ИМП РАН — плюс 0,7% в 2025 году), то есть экономика теряет даже ту небольшую динамику, которая у нее была. Это признак вхождения в депрессивную фазу, когда бизнес не видит перспектив и замораживает все долгосрочные проекты. Кредитный канал финансирования инвестиций перекрыт: «Объем выданных банковских кредитов нефинансовым корпорациям в реальном выражении сократился на 12,8%».

Внутренний источник инвестиций (нераспределенная прибыль) иссякает, так же как и бюджетная поддержка: «За январь — сентябрь 2025 года прибыль в экономике в реальном выражении сократилась на 15,6%... бюджетные инвестиции в реальном выражении сократились на 11,1%».

Потребительский спрос замедляется из-за дорогих кредитов, экспортный спрос ограничен санкциями и низкими ценами. В такой ситуации бизнес не видит смысла расширять мощности. ИМП РАН фиксирует спад в отраслях, производящих инвестиционные товары: «Производство машин и оборудования... снижение на 5,2%», «Производство электрического оборудования — снижение на 3,9%».

Это замкнутый круг: нет инвестиций — падает спрос на оборудование, падает производство оборудования — инвестиции падают еще

больше.

В то же время остановка инвестиционного процесса в «потребительской экономике» высвобождает ресурсы для приоритетных секторов промышленности, в которых инвестиционная активность сохраняется. «Производство прочих транспортных средств и оборудования» в 2025 году выросло на 33,1%.

Проще говоря, частный бизнес не видит прибыльных и безопасных возможностей для широкомасштабных вложений в обрабатывающую промышленность в большинстве регионов. Инвестиционную активность сегодня обеспечивает в основном правительство, и оно концентрирует ресурсы на нескольких выбранных им «плацдармах».

В то же время инвестиционная «пауза» — это эвфемизм для начала деиндустриализации гражданского сектора.

Остановка инвестиций сегодня означает устаревание мощностей и отставание в технологиях. Экономика проедает советский и постсоветский капитальный запас.

Фото: Александр Манзюк / Коммерсантъ

Для людей денег больше нет!

Данные ЦБ фиксируют конец эпохи, когда мотором экономики был растущий потребительский спрос, подогреваемый легкими и дешевыми кредитами.

- **Замедление потребительской активности** отмечено в большинстве регионов. Люди стали осторожнее. Спрос на товары длительного пользования (мебель, бытовая техника, автомобили) после краткого всплеска в октябре (перед ожидаемым повышением утилизационного сбора) снижается.
- **Потребительское кредитование продолжает стремительно сокращаться.** Объем задолженности по таким кредитам в октябре упал на **10,5%** по сравнению с октябрём прошлого года. Это следствие двух факторов: ужесточения регулирования со стороны ЦБ РФ (чтобы охладить перегретый рынок) и того, что люди сами больше не могут брать новые долги. **Сберегательная модель поведения** населения

сохраняется.

- **Инфляционные процессы замедляются**, но остаются очень неравномерными. Годовая инфляция в октябре снизилась до 7,7%, базовая (которая лучше отражает устойчивые процессы) — до 6,9%. Однако разброс по регионам велик: от 6,9% в относительно благополучном ЦФО до 8,8% в Вологодско-Вятском регионе.

Что думает и чего ждет бизнес? Опросы тысяч предприятий, которые проводит ЦБ РФ, отражают настроения в «реальном секторе».

- **Главные препятствия для роста:** 44% компаний говорят, что им мешает **недостаточный спрос** на их продукцию. 24% жалуются на **дефицит квалифицированных кадров**. При этом 31% предприятий сообщают, что их производственные мощности загружены полностью — без новых вложений дальше расти просто некуда.
- **Состояние оборудования:** большинство не считает свою технику устаревшей. 31% оценивают ее как современную и конкурентоспособную, 55% — как удовлетворительную. Только 13% признают свои мощности устаревшими. Интересно, что половина предприятий в основном использует оборудование российского производства, четверть — китайского.
- **Индикатор делового климата** в ноябре немного улучшился до 3,4 пункта, но только за счет роста ожиданий (+11,8 п.). Текущие оценки остаются в отрицательной зоне (−4,7 п.). Самые мрачные текущие оценки — у бизнеса на северо-западе (−11,4 п.), самые радужные ожидания — на юге (+16,0 п.).

Общий настрой бизнеса: острая фаза адаптации к шокам прошлых лет в целом пройдена.

Оборудование более-менее работает. Но теперь проблема — снижение спроса и нехватка рабочих рук.

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

В разные стороны

Собрав воедино все факты из бюджетной и экономической статистики, можно сделать ряд выводов, описывающих сложившуюся системную реальность.

Модель экономического роста, когда экономику тянули вперед люди, активно тратившие деньги (часто взятые в кредит), окончательно исчерпала себя.

Всплеск потребительской активности 2022–2023 года, который в значительной степени удерживал экономику от спада, пока правительство закачивало «бюджетные выплаты» в «приоритетные сектора», исчерпан.

Данные ЦБ РФ не оставляют сомнений: потребление замедляется, рынок потребительских кредитов сжимается. Это означает, что ключевой двигатель, который поддерживал целые сектора экономики (розничная торговля, услуги, авторынок) и наполнял бюджеты через НДС и налог с прибыли торговых сетей, выключился. Замедление роста реальных доходов ставит крест и на надеждах, что НДС будет и дальше расти такими же темпами.

В свое время финансовый регулятор сыграл очень точно — летом 2022 года он снизил ключевую ставку, и банки начали раздавать кредиты «от живота веером» (число заемщиков выросло с 2022 года на 7 млн), а правительство тем временем вливало деньги в «обрабатывающую промышленность». Через полтора года «заводы заработали» на полную мощность, но и цены взлетели, потому что «возрожденное производство» не имело отношения к «потребительской экономике» — и регулятор тут же поднял ставку, чтобы «заемщики» не могли «перекредитоваться», а были бы должны «повышать производительность», одновременно «сокращая потребление», адаптируясь к реалиям новой экономики, «трансформацию» которой они оплатили сами.

Промышленность России разделилась на два разных контура с противоположными судьбами, и бюджетные последствия этого разделения стали проблемой для целых регионов.

Контур № 1: «Острова роста». Включает отрасли, зависящие от государственного заказа (судостроение, часть ВПК), импортозамещения (IT-оборудование, софт) или тактически выгодной внешней конъюнктуры (угледобыча в режиме выживания). Их рост часто точечен и обеспечен административным ресурсом.

Контур № 2: «Материк спада». Включает традиционные базовые отрасли — черную и цветную металлургию, значительную часть химической промышленности, автомобилестроение. Эти отрасли находятся в состоянии структурного кризиса. Именно второй контур исторически был основой экономики, занятости и налоговых поступлений в регионах-донорах Урала, Сибири, северо-запада. Кризис этого контура мгновенно и напрямую конвертируется в падение налога на прибыль, рост бюджетного дефицита и вынужденный переход к дорогим долгам в этих субъектах Федерации. Это не случайность, а закономерность.

Инвестиционная активность утратила признаки рыночного процесса и превратилась в инструмент государственной промышленной и инфраструктурной политики.

Общероссийская стагнация инвестиций означает, что частный капитал не видит перспектив для прибыльных и масштабных вложений в обрабатывающую промышленность в большинстве регионов.

Деньги идут туда, куда указывает правительство бюджетными вливаниями и целевыми программами. Это ведет к углублению разрыва: несколько «регионов-полюсов» притягивают все ресурсы, а остальная страна выпадает из процесса развития.

Региональные власти оказались в институциональной ловушке, из которой нет самостоятельного выхода. Сверху на них давят жесткие, не подлежащие обсуждению расходные обязательства, спущенные из федерального центра (индексации зарплат, пособий, тарифов). Снизу у них разрушается собственная доходная база из-за кризиса градообразующих предприятий старой индустрии. Управлять ни тем, ни другим они по-настоящему не могут. Финансовая устойчивость региона сегодня зависит не от качества его управления, а от двух внешних факторов:

- повезло ли его экономике попасть в число приоритетных «островов роста»;
- сколько денег и на каких условиях даст федеральный центр. Для тех, кому не повезло, единственная стратегия — это наращивание долгов.

В то же время все эти данные, свидетельствующие о проблемах, можно ведь истолковать иначе — как свидетельство полного успеха правительственной политики, направленной на структурную трансформацию экономики.

Если считать, что целью правительства было обеспечение роста выпуска в приоритетных секторах любой ценой, то эта задача была с успехом выполнена — именно в этих секторах производство идет в три смены. А то, что экономика за пределами приоритетных секторов встала, — так «зато заводы заработали».

Чтобы забурлила жизнь в рабочих кварталах вокруг промышленных зон, туда должны были прийти не только бюджетные деньги, но и ресурсы, а эти ресурсы взять было неоткуда, кроме как из «потребления». Вот их и взяли.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Кредитный бум сменила кредитная катастрофа](#)

В скором времени свободных денег у россиян будет намного меньше, а дорогих займов — больше

15:45, 5 декабря 2025, Дмитрий Прокофьев

[Ставки сделаны, ниже больше нет?](#)

Центробанк продолжит «душить» экономику дорогими кредитами за пределами оборонного сектора — иначе цены взлетят

18:43, 20 декабря 2025, Дмитрий Прокофьев